

ЭКОНОМИЧЕСКАЯ СОЦИОЛОГИЯ И ДЕМОГРАФИЯ / ECONOMIC SOCIOLOGY AND DEMOGRAPHY

УДК 332.02

DOI: 10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128

Научная статья

<http://regionsar.ru>

ISSN 2587-8549 (Print)

ISSN 2413-1407 (Online)

Социальные практики ресурсобеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона

О. А. Урбан*

Н. В. Демчук

*Кузбасский гуманитарно-педагогический институт Кемеровского
государственного университета (г. Новокузнецк, Российская Федерация)
* urban-o@yandex.ru*

Аннотация

Введение. Актуальность изучения социальных практик в некоммерческом секторе обусловлена потребностью выявления потенциала некоммерческих организаций в развитии социальной сферы ресурсного региона. Цель статьи – на основе проведенного исследования проанализировать институциональные возможности и препятствия в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами, необходимыми для развития социальной сферы и снижения социальных рисков населения ресурсных регионов.

Материалы и методы. В качестве материалов использованы результаты комплексного исследования некоммерческого сектора Кемеровской области, проводившегося с применением количественных и качественных методов (анкетный опрос, полуструктурированное интервью, экспертный опрос), которые позволили выявить особенности взаимодействия социальных субъектов в некоммерческом секторе. Эмпирическим объектом исследования выступают руководители, сотрудники некоммерческих и общественных организаций, руководители благотворительных фондов, созданных крупными компаниями для поддержки социальных инициатив на местах, население моногородов Кузбасса, в которых сосредоточен основной промышленный потенциал региона.

Результаты исследования. Определено, что деятельность некоммерческих организаций имеет рыночные ограничения в потребительских практиках населения. В общественной жизни доминирует пассивная модель поведения, которая является

© Урбан О. А., Демчук Н. В., 2022

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.
This work is licensed under a Creative Commons Attribution 4.0 License.

институциональным препятствием для рекрутинга волонтеров, сотрудников и ограничивает социальную базу некоммерческих организаций. Доказано, что преобладание в среде некоммерческих организаций патерналистических установок укореняет традиционную модель и препятствует партнерским отношениям в достижении общего интереса. Институционализованные неформальные практики внутрисекторного взаимодействия препятствуют социальному партнерству как институциональному механизму согласования интересов субъектов отношений в области долгосрочных целей развития некоммерческого сектора. Предложены направления трансформации институционализованных практик и описан опыт формирования актуальных для некоммерческих организаций видов поддержки, способствующих росту их ресурсообеспеченности.

Обсуждение и заключение. Выявленные практики имеют системный характер и выступают неэффективным институтом с точки зрения ресурсообеспеченности некоммерческого сектора в регионе. Статья имеет практическое значение для представителей некоммерческого сектора и органов государственной и муниципальной власти.

Ключевые слова: некоммерческая организация, ресурсный регион, социальные практики, ресурсообеспеченность, институциональное препятствие

Авторы заявляют об отсутствии конфликта интересов.

Финансирование. Статья подготовлена при поддержке Фонда президентских грантов для некоммерческих организаций (№ 19-2-010014).

Благодарности. Авторы выражают благодарность К. В. Бурнышеву, Т. В. Бурнышевой, Е. В. Исаковой за организацию и проведение интервью с экспертами.

Для цитирования: Урбан О. А., Демчук Н. В. Социальные практики ресурсообеспечения в некоммерческом секторе ресурсного региона // Регионология. 2022. Т. 30, № 1. С. 103–128. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128>

Original article

Social Practices of Resource Provision in the Non-Profit Sector of the Resource Region

O. A. Urban*, N. V. Demchuk

Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University (Novokuznetsk, Russian Federation)

*urban-o@yandex.ru

Abstract

Introduction. The relevance of studying social practices in the non-profit sector is due to the need to identify the potential of non-profit organizations in the development of the social sphere of the resource region. The purpose of the article is to study institutional opportunities and obstacles in providing non-profit organizations with the resources necessary for the development of the social sphere and reducing social risks of the population of resource regions.

Materials and Methods. The conclusions of the article are based on the results of a comprehensive study of the non-profit sector of the Kemerovo region. The study was conducted by using quantitative and qualitative methods (questionnaire survey, semi-formal interview, expert survey), which allowed to identify the features of interaction of social

actors in the non-profit sector. The empirical objects of the study are managers, employees of non-profit and public organizations, heads of charitable foundations established by the large companies to support local social initiatives, the population of monotowns of Kuzbass region, in which the main industrial potential is concentrated.

Results. Non-profit organizations have market restrictions in the consumer practices of the local population. A passive pattern of behavior dominates. It is an institutional obstacle to recruiting volunteers and employees and it limits the social base of the non-profit organizations. The authors prove that the prevailing of paternalistic attitudes enroots the traditional pattern and prevents partnership between the authorities and non-profit organizations in achieving common interests. Institutionalized informal practices of the intra-sectoral interaction hinder social partnership as an institutional mechanism for reconciling the interests of the non-profit sector actors in the long-term development goals. The applied significance of the article lies in the fact that the directions of transformation of institutionalized practices are proposed and the experience of organizing relevant types of support for non-profit organizations to contribute to the growth of resource availability of non-profit organizations is described.

Discussion and Conclusion. The identified imperfect practices are systemic in nature and act as an inefficient institution in terms of the resource availability of the non-profit sector in the region. The paper has the practical importance for representatives of the non-profit sector and state and municipal authorities.

Keywords: non-profit organization, resource region, social practices, resource availability, institutional obstacles

The authors declare that there is no conflict of interest.

Funding. The article was written with the support of the Presidential Grants Fund for the non-profit organizations (No. 19-2-010014).

Acknowledgements. The authors are grateful to K. V. Burnyshev, T. V. Burnysheva, E. V. Isakova for organizing and conducting the interviews with experts.

For citation: Urban O.A., Demchuk N.V. Social Practices of Resource Provision in the Non-Profit Sector of the Resource Region. *Regionology* = Russian Journal of Regional Studies. 2022; 30(1):103-128. doi: <https://doi.org/10.15507/2413-1407.118.030.202201.103-128>

Введение. Значительное место в российской экономике занимают ресурсные регионы, «основу экономики которых составляют экспортно ориентированные отрасли добывающей и обрабатывающей промышленности первого передела (нефть, газ, уголь, черная и цветная металлургия и др.)»; это ведущие отрасли отечественной экономики, которые «определяют ее место в глобальной экономической системе» [1, с. 95]. Вместе с тем общепризнанным является факт, что ресурсные регионы имеют ряд негативных особенностей, порождающих социальные риски для условий и качества жизни населения территории (плохая экология, ухудшение здоровья, снижение качества человеческого потенциала, безработица, обострение демографической ситуации и пр.). Особая социальная уязвимость наблюдается у населения моногородов, возникновение которых сопряжено с отраслевыми принципами размещения предприятий на территориях месторождений. Снижение социальных

рисков ресурсных регионов связывается с развитием некоммерческого сектора, институционально ориентированного на достижение общественных благ, решение социальных проблем и развитие гражданского общества¹. Некоммерческие организации (далее – НКО) определяются субъектами социальной поддержки населения и предоставляют различные виды социальных услуг².

На деятельность НКО существенно влияет специфика региона как самостоятельной системы: особенности социально-экономической ситуации, практики социального партнерства власти, бизнеса и гражданского общества, отношение местного населения к жизни территории, что актуализирует региональные исследования потенциала НКО в развитии социальной сферы. При этом институциональная поддержка некоммерческого сектора предъясняет особые требования к достоверности эмпирической информации о возможностях НКО к успешной деятельности в сфере предоставления социальных услуг, достижения общественных благ в рамках отдельного ресурсного региона. Цель статьи – изучить институциональные возможности и препятствия в реализации институционально заданных целей некоммерческого сектора применительно к монопрофильным территориям ресурсного региона.

Обзор литературы. Методологически важным является вопрос, какие регионы могут быть отнесены к ресурсным. В научном сообществе не существует единого подхода к выделению ресурсных регионов и их классификации. Так, А. Г. Гранберг в ресурсные регионы включает субъекты по признакам наличия сырьевой модели экономики³. В. А. Крюков в качестве регионов ресурсного типа определяет регионы с доминирующим в структуре их экономики природоэксплуатирующим сектором (в том числе минерально-сырьевым)⁴. Основной вопрос развития ресурсных регионов – «приближение к траекториям устойчивого социально-экономического развития, т. е. возможность поддержания современного уровня жизни населения сырьевой территории на протяжении длительного временного интервала...»⁵.

Среди зарубежных авторов, оказавших влияние на формирование современных взглядов на устойчивое развитие ресурсных регионов, следует

¹ О некоммерческих организациях [Электронный ресурс] : Фед. закон от 12 янв. 1996 г. № 7-ФЗ (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_8824/ (дата обращения: 20.05.2021).

² Об основах социального обслуживания граждан в Российской Федерации [Электронный ресурс] : Фед. закон от 28 дек. 2013 г. № 442-ФЗ (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_156558/ (дата обращения: 20.05.2021).

³ Гранберг А. Г. Есть ли будущее у сырьевых регионов России // VI Международная Кондратьевская конференция «Есть ли у России несырьевое будущее?» : докл. и выступления участников конф. М. : Ин-т экономики РАН, 2008. С. 142–160.

⁴ Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 8.

⁵ Крюков В. А. Методологические основы разработки стратегических направлений развития ресурсных регионов // Ресурсные регионы России в «новой реальности» / под ред. В. В. Кулешова. Новосибирск : Изд-во ИЭОПП СО РАН, 2017. С. 20.

отметить Э. Вайцзеккера, Э. Ловинса, Л. Ловинса⁶. Научный и практический интерес представляют работы зарубежных исследователей, в которых анализируются проблемы «проклятия природных ресурсов» и опыт их решения в различных странах [2]. Отечественными учеными ведется поиск решений социально-экономических проблем российских ресурсных регионов⁷. Пристальное внимание уделяется социальной сфере, социальным аспектам развития и роста экономики в качестве важнейшего условия долгосрочной устойчивости [3–5].

Мы разделяем точку зрения М. В. Курбатовой и С. Н. Левина, что определение (и классификация) «российских регионов ресурсного типа основывается на концепции ресурсной зависимости, а не ресурсной обеспеченности». Это означает, что «развитие ресурсного сектора вполне может сочетаться с развитием других секторов экономики, прежде всего обрабатывающей промышленности» [1, с. 98]. Преимущества предлагаемого подхода заключаются в многофакторности, системном использовании совокупности признаков для идентификации ресурсной модели развития. М. В. Курбатова и С. Н. Левин выделяют 27 регионов ресурсного типа из четырех классификационных групп. Значительная часть населения этих регионов проживает в моногородах, в отношении которых приоритеты государственной политики определены как повышение уровня и качества жизни населения, создание условий для развития социальной сферы⁸. Больше всего моногородов в Кемеровской области – 24, в Республике Карелия – 11, Забайкальском крае – 9, Иркутской области – 8, Республике Татарстан и Пермском крае – по 7, Республике Саха (Якутия) и Республике Хакасия – по 6 и т. д.⁹

Российские ресурсные территории имеют институциональную специфику. По мнению В. А. Крюкова, анализ, оценка и принятие всех ключевых решений по вопросам освоения и использования природных ресурсов находятся «за пределами» субъекта, на федеральном уровне. В подобной ситуации решения социально-экономических проблем отдельных регионов представляют очень сложные задачи¹⁰. В практическом отношении данный вывод

⁶ Вайцзеккер Э., Ловинс Э., Ловинс Л. Фактор четыре. Затрат – половина, отдача – двойная. Новый доклад Римскому клубу / пер. А. П. Заварницына, В. Д. Новикова ; под ред. Г. А. Месяца. М. : Academia, 2000. 400 с.

⁷ Ресурсная модель модернизации экономики: возможности и ограничения / под ред. В. Б. Кондратьева. М. : ИМЭМО РАН, 2016. 326 с.

⁸ Стратегия пространственного развития Российской Федерации на период до 2025 года [Электронный ресурс] : утв. распоряжением Правительства Российской Федерации от 13 февр. 2019 г. № 207-р. URL: https://www.economy.gov.ru/material/dokumenty/rasporyazhenie_ot_13_fevralya_2019_g_207_r.html (дата обращения 13.05.2021).

⁹ Об утверждении перечня монопрофильных муниципальных образований Российской Федерации (моногородов) [Электронный ресурс] : Распоряжение Правительства Российской Федерации от 29 июля 2014 г. № 1398-р (ред. от 21 янв. 2020 г.). URL: <http://mir.midural.ru/sites/default/files/files/1398-r.pdf> (дата обращения 17.05.2021).

¹⁰ Проблемы формирования современной политики гармоничного развития для ресурсных регионов / В. А. Крюков [и др.] // Ресурсные регионы России в «новой реальности». С. 235–236.

ориентирует на поиск и мобилизацию внутренних ресурсов территории в обеспечении благоприятных условий жизни местного населения. Эти ресурсы концентрируются в социальной активности граждан. Российские НКО, несмотря на такие проблемы, как слабая экономическая база, демонстрируют преимущества по сравнению с государственными и коммерческими поставщиками в роли поставщиков социальных услуг [6, с. 85–86]. НКО «быстрее и тоньше улавливают разнообразные настроения и запросы граждан, способствуя своевременной диагностике и упреждающему разрешению общественных проблем»¹¹. Ограничение подхода в изучении некоммерческого сектора в одном регионе представляется оправданным. Принятие управленческих решений по государственной поддержке НКО в территориальном аспекте требует теоретического обобщения эмпирической информации, имеющей региональную специфику. Предметом дальнейшего изучения должны стать региональные сравнительные исследования.

Результаты деятельности НКО во многом определяются существующими у них ресурсами, совокупность которых дает возможности организациям реализовать институционально заданные цели. Тематика исследований ресурсообеспеченности НКО разнообразна. Проблемы ресурсов некоммерческих организаций связываются с их способностью к эффективной коммуникации в условиях межсекторного партнерства [7], с социальным капиталом некоммерческих организаций [8–12]. Однако общий подход к выделению ресурсов НКО зависит от методологических оснований. Ресурсы могут пониматься как вспомогательные средства, необходимые для деятельности (деньги, ценности, запасы, возможности, источники средств, доходов)¹² или набор различных капиталов¹³.

Плодотворным для анализа ресурсообеспеченности НКО является подход к рассмотрению ресурсов как социальных возможностей, которыми располагает организация для решения насущных местных проблем¹⁴. Такая трактовка понятия ресурсов имеет познавательный потенциал в рамках активистского (деятельностно-структурного) подхода (Э. Гидденс, П. Штомпка, Т. Заславская, В. Ядов и др.), базирующегося на принципах деятельностного изменения социального целого социальными субъектами. Данный подход в изучении ресурсов нацеливает на поведенческий уровень анализа и исследование социальных практик.

Концептуализация понятия социальных практик связана с западной социологией (П. Бурдьё, Э. Гидденс, Г. Гарфинкель и др.). Согласно Э. Гидденсу,

¹¹ Новый контракт государства и сектора негосударственных некоммерческих организаций / Л. Якобсон [и др.] // Информационно-аналитический бюллетень о развитии гражданского общества и некоммерческого сектора в Российской Федерации. 2017. № 2 (13). С. 13.

¹² Иванов В. Н. Местное сообщество – субъект реализации концепции устойчивого развития // Местное самоуправление в России : сб. ст. / под ред. проф. В. Б. Зотова. М. : ОСЬ-89, 2003. С. 128.

¹³ Филиппов Ю. В., Авдеева Т. Т. Основы развития местного хозяйства. М. : Логос, 2011. С. 113.

¹⁴ Юдин П. А. Социальные ресурсы местного самоуправления : дис. ... канд. социол. наук. Белгород : Центр социальных технологий, 1994. С. 12.

«практики, обладающие наибольшей пространственно-временной протяженностью в рамках тех или иных общностей, рассматриваются как социальные институты»¹⁵. В российской социологии проблематика социальных практик представлена достаточно полно в изучении, объяснении социально-экономических процессов и оценки институализированных форм отношений в соответствующих сферах общественной жизни российского общества (Т. И. Заславская, С. Ю. Барсукова, С. Г. Кирдина, О. Ф. Фадеева и др.). В. В. Волков и О. В. Хархордин считают, что, «практики конституируют и воспроизводят идентичности или “раскрывают” основные способы социального существования, возможные в данной культуре и в данный момент истории»¹⁶. В работах Т. И. Заславской содержание понятия «социальные практики» трактуется как «системы устойчивых и массовых социальных действий и взаимодействий социальных субъектов»¹⁷. Таким образом, рассмотренные в обзоре литературы методологические подходы актуализируют изучение социальных практик в некоммерческом секторе. Категория социальная практика методологически ориентирует на оценку институциональных возможностей и препятствий в развитии некоммерческого сектора в ресурсном регионе, в том числе применительно к условиям монопрофильных образований.

Материалы и методы. Во всех ресурсных регионах присутствует системно-специфическая компонента и единство стратегических целей развития. В этом отношении для понимания возможностей некоммерческого сектора в развитии социальной сферы ресурсного региона и его монопрофильных образований обоснован монографический тип исследования. Монографический подход определяется как углубленное выборочное исследование какой-либо проблемы на одном отдельно взятом, но представительном объекте. Это эмпирическое исследование, изучающее современный феномен в его реально существующем контексте и предусматривающее применение самых различных методов, и необязательно качественных [7].

Кемеровская область является ресурсным регионом и лидером по количеству моногородов в Российской Федерации. В моногородах Кузбасса остаются нерешенными важные проблемы качества жизни [13, с. 53]. При поддержке Фонда президентских грантов в 2019–2020 гг. было проведено комплексное исследование ресурсообеспеченности некоммерческого сектора в монопрофильных муниципальных образованиях Кемеровской области.

Результаты исследования представлены в статье в контексте анализа действий и взаимодействий социальных субъектов (лидеров, сотрудников НКО, населения территории, органов власти, бизнес-структур) в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами, необходимыми для развития

¹⁵ Гидденс Э. Устроение общества: Очерк теории структуризации. 2-е изд. М. : Академический Проект, 2005. С. 40, 60.

¹⁶ Волков В. В., Хархордин О. В. Теория практик. СПб. : Европ. ун-т в СПб., 2008. С. 22.

¹⁷ Заславская Т. И. Социетальная трансформация российского общества: Деятельностно-структурная концепция. 2-е изд., испр. и доп. М. : Дело, 2003. С. 214.

социальной сферы и снижения социальных рисков населения. В соответствии с выбранными методологическими основаниями центральный исследовательский вопрос сформулирован следующим образом: какие институциональные возможности и препятствия существуют в реализации институционально заданных целей некоммерческого сектора применительно к монопрофильным территориям ресурсного региона. Предметная область сфокусирована на социальных практиках субъектов взаимодействия в некоммерческом секторе, т. е. доминирующих моделях поведения, которые стимулируют или сдерживают развитие НКО.

Эмпирическим объектом исследования выступают руководители, сотрудники некоммерческих и общественных организаций, руководители благотворительных фондов, созданных крупными компаниями для поддержки социальных инициатив на местах, население моногородов Кузбасса, в которых сосредоточен промышленный (угольно-металлургический) потенциал региона. Все респонденты были проинформированы о цели исследования и выразили согласие к сотрудничеству.

С позиции системной структуризации объекта изучались:

1. Население моногородов в возрасте от 18 лет и старше как благополучатели и потребители социальных услуг, а также как субъект социальной инициативы и активности. Выборка – квотная, случайная ($n = 1\ 000$). В рамках квотно-случайной модели выборки сформировано распределение респондентов по территориально-географическому и половозрастным признакам (табл. 1, 2).

Таблица 1. Территориальная структура выборки респондентов
Table 1. Territorial structure of the respondent sampling

Муниципальное образование / Municipalities	Население, тыс. чел (конец 2018 г.) / Population, thousand people (the end of 2018)	Итого по выборке, чел. / Total, people
Прокопьевск / Prokopyevsk	194,1	180
Таштагол / Tashtagol	23,2	22
Междуреченск / Mezhdurechensk	97,1	90
Мыски / Myski	41,4	39
Киселевск / Kiselevsk	89,9	84
Калтан / Kaltan	20,8	19
Осинники / Osinniki	42,4	39
Краснобродский / Krasnobrodskiy	14,3	13
Новокузнецк / Novokuznetsk	553,6	514
Итого / Total	1 076,8	1 000

Т а б л и ц а 2. Социально-демографическая структура выборки, %
 T a b l e 2. Social demographic structure of the respondent sampling, %

Группы по возрасту (в годах) / Age groups (years old)	Мужчины / Men	Женщины / Women	Всего / Total
18–29	8,9	8,6	17,5
30–44	15,6	16,6	32,2
45–59	11,7	14,1	25,8
Более 60 / over 60	9,2	15,3	24,5
Всего / Total	45,4	54,6	100

В период с 20 ноября по 31 декабря 2019 г. был опрошен 1 181 респондент. Коррекция проводилась путем рандомного удаления кейсов с учетом пола, возраста и города проживания. Объем итоговой выборки составил 1 000 чел.

2. Сотрудники, волонтеры некоммерческих и общественных организаций, социально активные граждане, принимающие участие в улучшении условий жизнедеятельности территории. Объем выборки в 100 чел. определялся задачами исследования (описанием признаков генеральной совокупности на основе преимущественно линейных распределений). Выборка целевая, пропорциональная. Сначала формировался объем выборки участвующих в опросе организаций по городам (табл. 3) пропорционально действующим. Отбор единиц наблюдения (респондентов) осуществлялся согласно территориальной квоте: если организация не имеет штатных работников, то опрашивался один сотрудник (участник), при наличии штата опрашивался штатный сотрудник и волонтер.

Т а б л и ц а 3. Территориальная структура выборки респондентов
 T a b l e 3. Territorial structure of the respondent sampling

Муниципальные образования / Municipalities	Количество организаций, шт. / Number of organizations	Итого по выборке, количество организаций, шт. / Total sampling, number of organizations
Прокопьевск / Prokopyevsk	46	11
Междуреченск / Mezhdurechenks	49	18
Мыски / Myski	22	2
Киселевск / Kiselevsk	11	2
Калтан / Kaltan	4	2
Осинники / Osinniki	11	1
Краснобродский / Krasnobrodsky	2	0
Новокузнецк / Novokuznetsk	201	64
Итого / Total	346	100

3. Эксперты – лидеры некоммерческих и общественных организаций как субъекты влияния, определяющие направления, содержание и перспективы деятельности организаций (n = 46). Количество экспертов в каждом муниципальном образовании отбиралось пропорционально количеству действующих НКО по направлениям деятельности (табл. 4). Эксперты отбирались по следующим критериям: руководящая должность в НКО; длительность работы в некоммерческой сфере (не менее 3 лет); публичность (упоминание организации в СМИ); доступность для опроса.

Т а б л и ц а 4. Количество экспертов по муниципальным образованиям

Table 4. Number of experts by municipalities

Муниципальное образование / Municipalities	Количество НКО по городам / NPO number by the town/city	Процент от общего количества / Percent of the total claim	Выборка / Sampling
Новокузнецк / Novokuznetsk	201	0,580925	24
Прокопьевск / Prokopyevsk	46	0,132948	6
Киселевск / Kiselevsk	11	0,031792	1
Осинники / Osinniki	11	0,031792	2
Калтан / Kaltan	4	0,011561	1
Мыски / Myski	22	0,063584	3
Междуреченск / Mezhdurechenks	49	0,141618	9
Краснобродский / Krasnobrodsky	2	0,00578	0
Итого / Total	346	1	46

Общая гипотеза исследования в контексте деятельностно-структурной концепции социального механизма трансформации российского общества Т. И. Заславской¹⁸ и на основе многолетнего опыта сотрудничества с НКО состояла в предположении о том, что ресурсы НКО не адекватны институционально заданным целям. Причинами неадекватности выступают институциональные препятствия как устойчивые (институционализованные) социальные практики, связанные с поведением населения и органов власти в лице чиновников.

Частные гипотезы:

1. Население демонстрирует пассивную модель поведения в отношении некоммерческого сектора, так как не сформирована установка на проявление социальной активности.

¹⁸ Там же.

2. В отношениях органов власти с НКО воспроизводятся традиционные (административные) способы взаимодействия, которые слабо соотносятся с институциональными целями НКО.

3. Пассивная модель поведения населения и традиционная модель поведения чиновников определяют особую роль лидера некоммерческих организаций в качестве субъекта, влияющего на эффективную деятельность НКО. Однако существует дефицит лидеров, способных подходить к управлению как бизнес-процессу и повышать ресурсообеспеченность НКО.

Использованы количественные и качественные методы исследования, позволившие выявить особенности взаимодействия социальных субъектов в некоммерческом секторе. Применялись анкетный опрос, полуформализованное интервью, экспертный опрос. При анализе эмпирического материала применялись методы статистического анализа, простые и комбинационные группировки, расчет коэффициентов корреляции, индексов, систематизация, классификация и др. Полученные результаты экспертного опроса проанализированы с помощью метода интерпретации смыслов.

Результаты исследования. *Ресурсная обеспеченность и специфика деятельности НКО в оценке лидеров (руководителей) и сотрудников.* Общие сведения о деятельности НКО важны для понимания специфики деятельности и потенциала развития организаций.

По результатам интервью с сотрудниками, 67 % НКО ориентированы на удовлетворение потребностей местного населения и осуществляют деятельность на местном уровне. Из опрошенных 88 % организаций относятся к социально ориентированным НКО (далее – СО НКО)¹⁹.

Среднее значение срока деятельности НКО – 15,2 лет. Это свидетельствует о востребованности предоставляемых услуг и уровне мотивации сотрудников на социально ориентированную деятельность. Приоритетные виды деятельности: социальная помощь (87 %), образовательно-просветительская, культурная деятельность (59 %). Самыми массовыми сегментами являются социально незащищенные слои населения: работают с детьми (57 %), молодежью (51), с семьями (41 %) в рамках удовлетворения различных повседневных потребностей и решения проблем жизнеобеспечения. Особый сегмент – экономически и социально исключенные из общества слои населения (19 %).

Оказывают услуги бесплатно 63 % НКО, на бесплатной и платной основе – 30, работают на условиях возмездного оказания услуг – 7 %. Это определяет ключевую проблему поиска источников финансирования деятельности.

Таким образом, НКО вносят посильный вклад в решение социальных проблем местного сообщества. Оценка эксперта: «Мы работаем с такими

¹⁹ О внесении изменений в отдельные законодательные акты Российской Федерации по вопросу поддержки социально ориентированных некоммерческих организаций [Электронный ресурс] : Фед. закон от 5 апр. 2010 г. № 40-ФЗ (послед. ред.). URL: http://www.consultant.ru/document/cons_doc_LAW_99113/ (дата обращения 17.05.2021).

пациентами, от которых у нас в России отказываются...» (эксперт, жен., активист общественного движения, занимающегося проблемами инвалидов и пожилых, СО НКО). Вместе с тем, по результатам интервью и экспертного опроса, некоммерческие организации не обладают достаточным потенциалом для развития социальной сферы, что отражает общую для российских регионов ситуацию ресурсной необеспеченности НКО²⁰ [14; 15]. Системные последствия данной проблемы определяются территориальными факторами. Применительно к ресурсному региону это означает снижение модернизационного потенциала монопрофильных образований по показателям доступности качественных и разнообразных социальных услуг. Анализ причин ресурсной необеспеченности НКО в соответствии с методологическими основами исследования сцентрирован в области изучения действий и взаимодействия субъектов в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами развития.

Потребительские практики населения как предпосылка деятельности НКО. Получение финансовых ресурсов и расширение деятельности НКО зависит от потребительского спроса населения. Массовый и активный спрос на социальные услуги НКО в допандемийный период не зафиксирован. Воспользовались услугами и разного рода помощью НКО – 20,3 % респондентов. Демографические признаки, территория проживания не оказывают существенного влияния на потребление услуг. Важен фактор устойчивости предпочтений, лежащих в основе повседневных потребительских практик [16, с. 11], который измерялся через активность потребления тех или иных видов услуг. Наиболее востребованы медицинские услуги (61,1 %), услуги в сфере права (23,8), помощь социально незащищенным слоям, благотворительность (19,6), услуги по развитию детей (17,5), образовательные услуги (15,1 %). Частота потребления остальных видов услуг менее 10 % отражает незначительный спрос на них. Активность потребления социальных услуг среднестатистического респондента, которая коррелирует с социально-демографическими признаками, невысокая – 1,88 раза.

Таким образом, деятельность НКО ограничена потребительскими практиками населения, которые отражают небольшой и преимущественно пассивный характер потребления.

Социальная активность населения как ключевой фактор развития некоммерческого сектора. Разнообразные процессы социальной активности и вовлеченности населения описываются понятиями «гражданское, общественное, социальное участие». Эти различия, как правило, связаны с субъектами

²⁰ Информационно-аналитический отчет по результатам социологического исследования на тему «О деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций в Смоленской области». Смоленск, 2016. 50 с.; Отчет о проведенном социологическом исследовании «Состояние и проблемы развития социально ориентированных некоммерческих организаций Уральского федерального округа» [Электронный ресурс]. Тюмень, 2016. URL: <https://pandia.ru/text/79/292/15419.php> (дата обращения: 07.10.2020); Аналитическая записка по результатам исследования «Московские НКО как поставщики социальных услуг: потенциал и проблемы». Москва, 2020. 55 с.

участия (кто) и его направленности (на что данный вид участия направлен) [17]. Предметом анализа в статье является социальное участие, которое представляет собой «горизонтальную активность, осуществляемую в рамках повседневной жизни и направленную на удовлетворение общественного интереса» и реализуется «через формальные или неформальные практики» [17, с. 137]. К формальным относится участие в деятельности общественных объединений: членство, содействие без членства, добровольная работа, передача средств и пр., к неформальным – различные формы индивидуально и группового участия вне организаций, связанные с совместным решением коллективных проблем (помощь соседям, взаимная поддержка и пр.).

Подавляющее большинство респондентов (81,4 %) принимали участие в тех или иных мероприятиях по решению коллективных проблем и удовлетворению коллективного (общественного) интереса. 14,6 % опрошенных исключены из всех форм социального участия («не приходилось участвовать»). Наиболее массовыми являются формальные виды участия, не предусматривающее инициативность граждан в организации мероприятий: субботники (45,1 %), собрания жильцов дома (36,7), благоустройство территории собственного дома (35,2 %). В социально проблемных ситуациях граждане проявляют взаимопомощь. В совместном обеспечении порядка и безопасности (народные дружины, дежурство в школе, организованная встреча детей со школы и т. п.) участвовали 9 % респондентов, оказывали помощь по хозяйству, устройству быта – 7, вовлекались в совместную ликвидацию последствий аварий, пожаров и других чрезвычайных ситуаций – 3,8 %. Часть неформальных практик имеют форму пассивного участия (материальная помощь – 18,9 %, помощь животным – 21,7 %) и характеризуют преимущественно эмоциональное сопереживание респондентов, но не их активность в реализации социальных инициатив и проектов.

В целом активность участия граждан в вышеуказанных мероприятиях невысокая. За 2019 г. среднестатистический респондент участвовал в двух-трех типах мероприятий. Вовлеченность населения в волонтерство можно оценить как эпизодические действия: ответ «не занимался волонтерством» выбрали 52,4 % респондентов, «только однажды» – 16,6, «редко, только несколько раз» – 20,5, «часто, много раз участвовал» – 10,3, ушли от ответа 6,6 % опрошенных. Вариант ответа «уже участвую» отметили 4,1 % респондентов. Другими словами, активные (инициативные) действия граждан не превратились в массовые и устойчивые практики социального участия.

Согласно гипотезе, у населения доминирует пассивный стиль поведения в решении проблем местного сообщества. Проверка гипотезы проводилась на основе измерения базовых установок в проявлении социальной активности, в том числе через участие в НКО. В диспозиционной концепции В. А. Ядова²¹ базовые социальные установки индивида определяются его отношением

²¹ Ядов В. А. Саморегуляция и прогнозирование социального поведения личности: Диспозиционная концепция. 2-е расшир. изд. М.: ЦСПиМ, 2013. 376 с.

к основным сферам жизнедеятельности, т. е. к объектам социальных установок, имеющих общественную значимость. Именно социальная установка объясняет действия в общественном процессе.

Для идентификации базовых установок использован метод типологии. Интерпретативный смысл типологии заключается в оценке населения как субъекта социальной активности. Основными типобразующими признаками выбраны: активность социального участия в текущем периоде (1–2 года), готовность проявлять свою активность в тех или иных формах социального участия в будущем. Авторами выделены четыре группы населения с различными установками, которые отражают соотношение ценностей самостоятельности, независимости, ответственности (ценности гражданина) или покоя, защищенности, патернализма:

- активисты: с различной периодичностью принимали участие в общественных инициативах, занимались волонтерством; продолжают и готовы в дальнейшем продолжить участвовать в деятельности НКО;

- маргиналы: респонденты с установками «на выход» (переход в группу отчужденных) с опытом социального участия и «на вход» (вероятность вхождения в группу активистов) со стремлением освоения новой социальной практики;

- отчужденные: респонденты, которые не смогли (не пожелали) оценить социальное участие как в прошлом, так и в будущем («затрудняюсь ответить»), не имели или имели фрагментарный опыт социального участия в прошлом и затруднились определить свою модель поведения в отношении будущего. Согласно Э. Фромму, слабая инициатива и активность отчужденных индивидов закономерны, отчужденный человек не ощущает, что он активный деятель, носитель человеческих сил и способностей²²;

- изоляционисты: не участвовали и не собираются участвовать в любых формах социальной активности. Изоляционизм – крайняя форма отчуждения. Численное распределение типологических групп и доминирующие модели поведения населения представлены в таблице 5.

Таким образом, у большинства населения (67,3 %) доминирует пассивный стиль поведения, нашедший отражение в социальных установках таких групп, как «отчужденные», «изоляционисты» и со стратегией «на выход».

Сотрудниками НКО готовность местного населения к социальному участию оценена на 2,9 балла по 5-балльной шкале и определены причины пассивного поведения. Во-первых, это представления граждан, отражающих уровень развития гражданского общества: «Люди не верят в то, что такая деятельность может принести весомые результаты» – 49 %, «Люди живут по принципу “моя хата с краю”, их не волнуют проблемы других людей» – 44, «Люди не доверяют другим людям» – 20 %. По сути, речь идет о традиционной парадигме отношений государства и общества. Во-вторых, это текущая занятость: «Люди устали, им не хватает свободного времени» – 47 %.

²² Фромм Э. Человек одиночек // Иностранная литература. 1996. № 1. С. 230–233.

Таблица 5. Группы населения с различными установками на социальное участие
Table 5. Population groups with different attitudes towards social participation

Группы населения / Population groups	Процент в выборке / Percent of the sampling
Активисты / Activists	22,3
Маргиналы / Marginals:	
«На вход» / “Entrance” attitude	13,8
«На выход» / “Exit” attitude	23,0
Отчужденные / Alienated	17,9
Изоляционисты / Isolationists	22,8
Всего / Total	99,8

Информированность населения о НКО невысокая. 35,2 % респондентов знают выражение «некоммерческая организация», что-то слышали – 36,3, слышат впервые – 20,0, затруднились с ответом – 8,4 %. Представления о специфике деятельности НКО имеют достаточно «размытый» характер, четкая осведомленность о социальной значимости НКО отсутствует. Эксперты выделили проблему формирования общественного мнения: «...нет сформированного общественного мнения о том, что такое НКО, т. е. даже сотрудники НКО и даже я не до конца понимаю то место, которое занимает НКО в современном гражданском обществе, в Новокузнецке в частности» (жен., директор НКО, работа с ветеранами афганской войны).

Взаимодействие НКО с органами местного самоуправления и бизнесом в области ресурсообеспеченности. Создание благоприятных условий для развития социальной инициативы граждан и деятельности НКО относится к компетенции, сфере интересов и ответственности органов государственной власти и местного самоуправления. По результатам экспертного опроса были выделены основные модели поведения органов муниципального управления во взаимодействии с НКО: традиционная и партнерская.

Традиционная модель воспроизводит административно-бюрократические практики государственного управления и институционально слабо ориентирована на стратегию развития некоммерческого сектора. В данной модели принципы партнерства имеют преимущественно формальный характер, а основным субъектом, определяющим содержание, характер отношений являются органы муниципального управления. Выделяются следующие характеристики данной модели:

1) слабая заинтересованность в результатах поддержки: «...если просто говорить не про взаимодействие, а именно поддержку... когда заинтересованы органы власти в развитии некоммерческих организаций, то, мне кажется, что им вообще не очень важно это. Я бы поставила тройку» (жен., директор НКО в сфере науки и техники);

2) ритуализм как ориентация на формализованные процедуры в ущерб конечному результату (Р. Мертон): «У нас было много заморочек, когда я ходила в администрацию просить площадку. Там невероятно сложно было все написать, несколько раз приходилось ходить... Полиция проверяла сценарий. Столько нервов было. Мы эту акцию лучше бы проводили с кем-то совместно» (жен., руководитель НКО по обучению танцам);

3) избирательность с ориентацией на личные отношения и идеологически важные направления (например, ветераны, малые коренные народы): «Мы, кто вот здесь работает, работаем 15 лет. У нас два депутата городского Совета народных депутатов. Я – заместитель председателя Общественной палаты Кемеровской области, т. е. мы все активно участвуем в институтах гражданского общества» (жен., директор НКО, работа с ветеранами афганской войны). Между тем зависимость от ресурсов, распределяемых местными властями по личным каналам, включает риски потери самостоятельной позиции руководителями организации;

4) зависимость характера, объема поддержки от работающих в административных структурах людей, их установок: «Все зависит тоже от людей на месте. У нас был разный опыт работы с разными органами власти» (жен., директор НКО в сфере науки и техники).

Партнерская модель – взаимодействие в рамках двухстороннего взаимовыгодного партнерства, основанного на принципах равноправия и взаимного интереса и с ориентацией на стратегические цели некоммерческого сектора. Как отметил один из экспертов: «У нас сейчас диалог выстраивается, я вижу, что это хороший диалог. Он конструктивный, стараемся договориться и пока получается (муж., председатель общественной организации, объединение художников).

Согласно результатам исследования, доминирует традиционная модель поведения органов муниципального управления, следствием которой становится несоответствие структуры, объемов, содержания поддержки потребностям НКО, бюрократизм и волокита, непрозрачность механизма финансирования, нетранспарентный отбор субъектов, слабая эффективность поддержки некоммерческого сектора с позиции ресурсообеспеченности в целом. При этом в экспертной среде широко представлены патерналистские установки и ожидания всесторонней, прежде всего финансово-материальной, помощи государства: «...Те люди и организации, которые участвуют в наших грантах, говорят: “Мы хотим прийти в администрацию и попросить, чтобы нам дали помещение”» (жен., директор благотворительного фонда, грантодатель). Подобные установки препятствуют партнерским отношениям и не способствуют созданию разного рода ассоциаций (объединений) НКО как субъекта социального партнерства на принципах равноправия, взаимного интереса и ответственности.

Партнерская модель находится в стадии становления. Утверждение данной модели стимулируют нормативные документы федерального значения:

включение развития НКО в состав задач исполнительной власти на всех уровнях ее организации, утверждение перечня показателей, используемых для расчета рейтинга субъектов Российской Федерации по реализации механизмов поддержки СО НКО и социального предпринимательства²³.

С начала 2000-х гг. институализируются практики крупных компаний по дофинансированию территории, которые, с одной стороны, воспроизводят традиционные для ресурсного региона социальные обязательства бизнеса, принимаемые вследствие административного характера отношений с властью, с другой – являются следствием глобализации экономики [18–20]. Социально ориентированная модель поведения крупного бизнеса становится значимым фактором поддержки социальной активности граждан, в том числе в форме некоммерческих и общественных организаций. С середины 2000-х гг. благотворительные фонды крупных компаний Кузбасса проводят грантовые конкурсы, оказывают образовательные, консультационные услуги с целью вовлечения общественности в различные формы социальной активности и поддержки НКО. По своей сути фонды выполняют функции ресурсного центра и реализуют важную роль в развитии некоммерческого сектора: «На РУСАЛОВских мероприятиях такие командообразующие мероприятия. Если люди поучаствовали в проектах, то они их сразу объединяют» (жен., сотрудник СО НКО по поддержке инвалидов).

Внутрисекторное взаимодействие НКО в области ресурсообеспеченности. Значительный потенциал в решении проблем ресурсной обеспеченности НКО заложен во внутрисекторном взаимодействии. По результатам экспертного опроса выявлены особенности внутрисекторного взаимодействия, которые ограничивают потенциал сотрудничества в ресурсообеспеченности:

1) доминируют практики взаимодействия с однопрофильными организациями в решении ситуационных проблем текущей деятельности: «...Таких прям НКО в городе, с которыми сотрудничаем, ...не так много, но всех знаем...» (жен., руководитель АНО, консалтинг);

2) сотрудничество представляет собой совокупность устоявшихся неформальных практик без договорных отношений: «Мы сотрудничали в качестве партнеров. ...Бумаги мы там никакие не подписывали...» (муж., руководитель НКО в сфере спорта);

3) во взаимодействиях НКО еще слабо представлен общий институциональный интерес и его защита, но потребность в этом направлении сотрудничества актуализируется. «Я давно предлагала – давайте сделаем дом НКО. Если бы у нас был дом НКО, мы бы дали возможность развиваться маленьким

²³ Об утверждении перечня показателей, используемых для расчета рейтинга субъектов Российской Федерации [Электронный ресурс] : распоряжение Правительства Российской Федерации от 19 июля 2017 г. № 1284-р. URL: <http://publication.pravo.gov.ru/Document/View/0001201706280020> (дата обращения: 14.05.2021).

организациям, которые сегодня на взлете... Это способствует объединению людей» (жен., директор НКО, работа с ветеранами афганской войны).

Таким образом, внутрисекторное взаимодействие характеризуется совокупностью неформальных социальных практик, как правило, в области взаимного информирования, консультирования, совместной организации мероприятий. Эти практики формируются преимущественно в системе личных связей, имеют ситуационный характер и реализуются в текущей деятельности в рамках задач отдельных организаций.

Управленческая деятельность как фактор ресурсообеспеченности. В соответствии с гипотезой существует дефицит лидеров, способных подходить к управлению НКО как к бизнес-процессу и тем самым повышать ресурсообеспеченность. По оценке эксперта, работающего с некоммерческими организациями в рамках грантовых конкурсов, уровень профессионализации НКО низкий. «Пока больших усилий, которые именно в Кузбассе направлены на профессионализацию нашего сектора, я не вижу» (жен., директор благотворительного фонда, грантодатель).

В управленческой деятельности руководителей НКО проявляются следующие проблемы, препятствующие ресурсообеспеченности и развитию организации:

1) недостаточно представлены в мотивации рыночные принципы организации деятельности НКО: «Сейчас сфера НКО... должна работать и управляться практически как бизнес-организация, наши НКО, мне кажется, у многих в сознании по-прежнему: я делаю добро, я мир несу, а об управлении я буду думать в последнюю очередь... Там, где есть учредитель НКО, какой-то бизнесмен, там организация существует и двигается» (жен., волонтер СО НКО);

2) невысокий уровень правовой, финансовой грамотности: «И вот сейчас как по этому гранту будем, по налоговой, я не знаю. Там еще, говорят, какая-то 88-я или 83-я статья есть, где-то что-то, но нам сказали, не знаю еще, мы с этим не столкнулись, как ее сдавать» (жен., председатель общественной организации, помощь малообеспеченным семьям, СО НКО);

3) деятельность большинства организаций осуществляется на уровне решения текущих проблем и «пожарных» задач без стратегического планирования. Оценивая результаты деятельности НКО, эксперт отметил: «Специальных каких-то анализов не проводим. Оцениваем только количество реализованных успешных проектов» (жен., руководитель НКО в сфере консалтинга и социального проектирования).

Таким образом, существует дефицит в профессиональных управленцах с мотивацией на общественное благо и на рынок одновременно. Полученные результаты в региональном аспекте подтверждают результаты всероссийского обследования НКО, что для повышения устойчивости и эффективности организаций российского третьего сектора необходима ориентация на рынок [21, с. 437].

Обсуждение и заключение. Результаты исследования позволили выявить институциональные препятствия в обеспечении некоммерческих организаций ресурсами применительно к условиям монопрофильных образований ресурсного региона как массовые социальные практики и в целом подтвердить гипотезы исследования.

Подтвердилась гипотеза, что население региона не сформировалось как зрелый субъект социальной инициативы и активности, готовый к регулярной (постоянной) социальной активности в преобразовании, формировании и распространении социальных практик социального участия. Доминирует пассивная модель поведения в общественной жизни, которая является институциональным препятствием для рекрутинга волонтеров, сотрудников и ограничивает социальную базу НКО. Монгорода создавались без учета социокультурных потребностей человека. Производственно-технологические процессы в ресурсодобывающей промышленности продолжают определять невысокий уровень человеческого капитала работников, не создавали и не создают достаточных стимулов для политики вложений в развитие человеческого капитала. Работники с невысоким качеством человеческого капитала в большей степени ориентированы на выбор пассивных стратегий подчинения и ожидания поддержки власти, что оказывает влияние на укоренение социальной пассивности как социальной практики населения.

При этом деятельность НКО имеет рыночные ограничения в потребительских практиках населения. Активный спрос на социальные услуги НКО не сформирован, что препятствует получению финансовых ресурсов и расширению деятельности. Государство предоставляет населению различного рода социальные услуги, но отмечается тенденция передачи части социальных услуг в некоммерческий сектор [6, с. 85–86].

Значимым препятствием для развития некоммерческого сектора является состояние общественного мнения, которое характеризуется информационной ненасыщенностью, качественной неопределенностью, слабой интенсивностью, нечеткой направленностью, что проявляется в низком уровне знаний о сущности, специфике деятельности НКО и слабой мотивации получить представление о некоммерческом секторе у подавляющего большинства населения.

Установлено, что доминирующей моделью поведения органов муниципального управления в отношении НКО является традиционная модель, что подтверждает гипотезу исследования. Для данной модели характерны признаки, формирующие институциональные препятствия для ресурсообеспеченности НКО: слабая заинтересованность в результатах поддержки, ритуализм, избирательность с ориентацией на личные отношения и идеологически важные направления. Партнерская модель находится в стадии становления.

Особое значение приобретает роль лидера в эффективной деятельности НКО. Доминирующие модели управленческой деятельности лидеров НКО не обеспечивают высокий уровень профессионализации в рыночной среде

и препятствуют достижению институциональных целей некоммерческого сектора, что подтверждает гипотезу исследования о дефиците лидеров, способных подходить к управлению как бизнес-процессу и повышать ресурсообеспеченность НКО. Институализированные неформальные практики внутрисекторного взаимодействия препятствуют социальному партнерству как институциональному механизму согласования интересов субъектов отношений в области долгосрочных целей развития некоммерческого сектора. Формы сотрудничества по поддержке и развитию некоммерческого сектора как институционального комплекса не имеют широкого распространения.

Выявленные социальные практики имеют системный характер и выступают неэффективным институтом с точки зрения ресурсообеспеченности некоммерческого сектора в регионе. Причем эти практики не являются локальными.

По результатам исследования выделились следующие направления трансформации институализированных практик.

1. Гражданское просвещение населения и изменения социальных установок на уровне повседневной жизни, которые продолжают отражать сложившиеся традиции отчужденности от социального участия, когда основные ожидания по решению проблем повседневной организации жизни связываются с деятельностью государства. По мнению специалистов, конституционные задачи социального государства Российской Федерации в отправлении социальной функции без активного участия институтов гражданского общества решить невозможно [22, с. 47]. Информирование широкой общественности о положительных социальных практиках социального участия в некоммерческом секторе способствует формированию доверия в обществе и готовности людей помогать друг другу.

2. Расширение ценностных ориентиров руководителей НКО до признания рыночных принципов в их деятельности: НКО как и иные субъекты рыночной экономики имеют доходы и стремятся их повысить, что не противоречит законодательству, инвестируют доходы в развитие деятельности, на благотворительные цели, предлагают стоимость услуг и продвигают услуги, занимаются поиском средств и их экономическим обоснованием для организаций спонсоров и др.

3. Трансформация традиционной модели поведения органов муниципального управления во взаимодействие с НКО в партнерскую, что требует ряда условий. Во-первых, совершенствование механизма взаимодействия в развитии социальной сферы территории, которое должно быть процедурно организовано, нормативно закреплено и содержательно увязано с региональной спецификой деятельности. Во-вторых, интеграция в систему партнерства коммерческих организаций в рамках трехстороннего сотрудничества, в котором важную роль могут сыграть благотворительные фонды крупных компаний, поддерживающих социальную сферу региона. Деятельность фондов стала значимым фактором стимулирования социальной активности жителей,

образовательной и коммуникационной площадкой для НКО, центром компетенций в сфере социальных проектов. В-третьих, обеспечение открытого информационного пространства деятельности НКО и системы социального партнерства.

Статья имеет практическое значение для всех субъектов отношений в некоммерческом секторе. На основе предложенных направлений трансформации институализированных практик разрабатываются управленческие решения по повышению эффективности деятельности некоммерческих организаций. По итогам исследования администрацией г. Новокузнецка и АНО «Информационно-аналитический центр» были внедрены решения по организации актуальных для НКО видов поддержки и поиску новых социальных практик, способствующих росту ресурсообеспеченности некоммерческих организаций. Был создан и наполнен контентом специализированный интернет-портал для НКО, где размещена информация о государственной (муниципальной) политике в сфере поддержки НКО, о проектах и мероприятиях. Организовано информационное освещение социальной активности НКО и инициативных групп граждан; проведены обучающие курсы по повышению профессионального уровня руководителей, сотрудников НКО и лидеров инициативных групп граждан по написанию грантов и освещению деятельности НКО в СМИ и социальных сетях. На базе Кузбасского гуманитарно-педагогического института создана коммуникативная площадка для НКО, власти, бизнеса, университета и Центр развития компетенций. Проведено обучение лидеров НКО современным цифровым навыкам работы в информационном пространстве в «Медиашколе» (г. Новокузнецк).

Выявленные социальные практики как институциональные препятствия в ресурсообеспеченности НКО индицируют слабые внутренние и внешние социальные коммуникации НКО, невысокий уровень доверия и низкую вовлеченность граждан, общественных групп в деятельность организаций, определяющие в совокупности социальный капитал организаций некоммерческого сектора. Перспективным направлением исследования видится проблема изучения процесса формирования социального капитала НКО в контексте мобилизации социальной активности, солидарных практик граждан и общественных групп, укрепления взаимного доверия власти, бизнеса, населения и НКО в решении социальных проблем территории.

СПИСОК ИСПОЛЬЗОВАННЫХ ИСТОЧНИКОВ

1. Регионы ресурсного типа в России: определение и классификация / М. В. Курбатова [и др.] // *Terra Economicus*. 2019. № 17 (3). С. 89–106. doi: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>

2. Allcott H., Keniston D. Dutch Disease or Agglomeration? The Local Economic Effects of Natural Resource Booms in Modern America // *The Review of Economic Studies*. 2018. Vol. 85, issue 2. Pp. 695–731. doi: <https://doi.org/10.1093/restud/rdx042>
3. Пахомова Н. В., Рихтер К. К., Малышков Г. Б. Проблемы модернизации и перехода к инновационной экономике // *Проблемы современной экономики*. 2014. № 3 (51). С. 15–24. URL: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5037> (дата обращения: 30.05.2021).
4. Кандилов В. П. Человеческий потенциал как фактор ресурсного потенциала территории // *Вопросы статистики*. 2007. № 12. С. 13–19. URL: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15137711> (дата обращения: 30.05.2021).
5. Fridman Y., Rechko G., Loginova E. Kuzbass Development Strategy: Past Lessons and Future Wrongs // *E3S Web of Conferences*. The Vth International Innovative Mining Symposium. Kemerovo, Russian Federation, October 19–21, 2020 / eds.: S. Voth [et al.]. Kemerovo : T. F. Gorbachev Kuzbass State Technical University. 2020. Vol. 174. doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017404038>
6. Мерсиянова И. В., Беневоленский В. Б. НКО как поставщики социальных услуг: верификация слабых сторон // *Вопросы государственного и муниципального управления*. 2017. № 2. С. 83–102. URL: <https://vgmu.hse.ru/2017--2/206993080.html> (дата обращения: 30.05.2021).
7. Косыгина К. Е. Актуальные вопросы развития социально ориентированных некоммерческих организаций // *Проблемы развития территории*. 2018. № 3 (95). С. 107–121. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.7>
8. Каюмова Л. Х. Социальный капитал некоммерческих организаций как индикатор состояния гражданского общества // *Известия высших учебных заведений. Поволжский регион. Общественные науки*. 2015. № 1 (33). С. 192–202. URL: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on19115 (дата обращения: 30.05.2021).
9. The Role of Social Capital in the Start-Up of Non-Profit Organisations: The Case of Fondazione Welfare Ambrosiano / M. Pedrini [et al.] // *International Society for Third-Sector Research and The Johns Hopkins University*. 2016. Vol. 27. Pp. 1195–1217. doi: <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9614-y>
10. Schneider J. A. Organizational Social Capital and Nonprofits // *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2009. Vol. 38, no. 4. Pp. 643–662. doi: <https://doi.org/10.1177/0899764009333956>
11. Rosenkranz J. The Role of a Nonprofit Organization's Narratives in Fostering Social Capital: A Case-Study of HeSeta. University of Helsinki, Faculty of Social Sciences. Master's thesis. 2019. URL: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/302854> (дата обращения: 24.06.2021).
12. Mourão P., Pereira T., Moreira M. The Importance of New Forms of Capital in Non-profit Organizations: A Case Study of the Fafe Delegation of the Portuguese Red Cross // *International Journal of Social Economics*. 2017. Vol. 44, no. 7. Pp. 846–868. doi: <https://doi.org/10.1108/IJSE-09-2015-0240>
13. Урбан О. А., Демчук Н. В. Экспертная оценка агломерационных связей в решении проблем модернизации моногородов юга Кузбасса // *Вестник Кемеровского государственного университета*. Сер.: Политические, социологические и экономические науки. 2018. № 1. С. 51–57. doi: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-51-57>

14. Артамонова А. С. Функционирование социально ориентированных некоммерческих организаций в российских регионах // Проблемы развития территории. 2018. № 5 (97). С. 55–65. doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.4>

15. Немгирова С. Н. Эффективность деятельности социально ориентированных некоммерческих организаций на мезоуровне (по результатам социологического исследования) // Вестник Института комплексных исследований аридных территорий. 2019. № 2 (39) С. 27–33. doi: <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10047>

16. Радаев В. В. Социология потребления: основные подходы // Социологические исследования. 2005. № 1. С. 5–18. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/radaev_socneed.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

17. Скалабан И. А. Социальное, общественное и гражданское участие: к проблеме осмысления понятий // Вестник Томского государственного университета. Сер.: Философия. Социология. Политология. 2011. № 1. С. 130–139. URL: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (дата обращения: 30.05.2021).

18. Курбатова М. В., Левин С. Н. Деформализация правил в современной российской экономике (на примере взаимодействия власти и бизнеса) // Terra Economicus. 2010. Т. 8, № 1. С. 27–50. URL: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2010/journal8_1_1.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

19. Курбатова М. В., Левин С. Н., Апарина Н. Ф. Взаимодействия власти и бизнеса на муниципальном уровне: практики, сложившиеся в Кемеровской области // Экономическая социология. 2005. Т. 6, № 2. С. 50–68. URL: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204930/ecsoc_t6_n2.pdf (дата обращения: 21.05.2021).

20. Урбан О. А. Формирование эффективного собственника в базовых отраслях промышленности Кузбасса // Социологические исследования. 2010. № 8. С. 26–35. URL: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Urban_04.pdf (дата обращения: 30.05.2021).

21. Корнеева И. Е., Ойнер О. К. Ориентация на рынок и результативность деятельности российских некоммерческих организаций // Вестник Санкт-Петербургского университета. Менеджмент. 2018. Т. 17, вып. 4. С. 437–464. doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2018.401>

22. Родионова О. В., Сигалов К. Е. Проблемы эффективности современного социального государства: общемировые и российские тенденции // Гуманитарные науки. Вестник Финансового университета. 2018. Т. 8, № 6. С. 43–48. doi: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-6-43-48>

Поступила 12.07.2021; одобрена после рецензирования 27.08.2021; принята к публикации 13.09.2021.

Об авторах:

Урбан Ольга Андреевна, профессор кафедры экономики и управления Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (654041, Российская Федерация, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, д. 23), доктор социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7654-7705>, urban-o@yandex.ru

Демчук Наталия Владимировна, доцент кафедры экономики и управления Кузбасского гуманитарно-педагогического института Кемеровского государственного университета (654041, Российская Федерация, г. Новокузнецк, ул. Циолковского, д. 23), кандидат социологических наук, ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2381-8844>, pyzas@mail.ru

Заявленный вклад авторов:

О. А. Урбан – постановка проблемы исследования; подготовка текста статьи; научное руководство; разработка основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

Н. В. Демчук – постановка проблемы исследования; разработка основной концепции исследования; формулирование результатов исследования и выводов.

Авторы прочитали и одобрили окончательный вариант рукописи.

REFERENCES

1. Kurbatova M.V., Levin S.N., Kagan E.S., Kislitsyn D.V. Resource-Type Regions in Russia: Definition and Classification. *Terra Economicus*. 2017; (17):89-106. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.23683/2073-6606-2019-17-3-89-106>
2. Allcott H., Keniston D. Dutch Disease or Agglomeration? The Local Economic Effects of Natural Resource Booms in Modern America. *The Review of Economic Studies*. 2018; 85(2):695-731. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1093/restud/rdx042>
3. Pakhomova N.V., Richter K.K., Malyshev G.B. Inclusive Sustainable Development: Priorities, Indices, International Experience, Potential of Coordination with Reindustrialization Model. *Problemy sovremennoj jekonomiki* = Problems of Modern Economics. 2014; (3):15-24. Available at: <http://www.m-economy.ru/art.php?nArtId=5037> (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
4. Kandilov V.P. Human Potential as a Factor of Resource Potential of the Territory. *Voprosy statistiki* = Statistics Issues. 2007; (12):13-19. Available at: <https://elibrary.ru/item.asp?id=15137711> (accessed 30.05.2021). (In Russ.)
5. Fridman Y., Rechko G., Loginova E. Kuzbass Development Strategy: Past Lessons and Future Wrongs. In: S. Voth, M. Cehlar, J. Janocko, eds. E3S Web of Conferences. The 5th International Innovative Mining Symposium. Kemerovo, Russian Federation, October 19–21, 2020. Kemerovo, T.F. Gorbachev Kuzbass State Technical University; 2020. 174. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1051/e3sconf/202017404038>
6. Mersyanova I.V., Benevolenski V.B. NPOs as Social Service Providers: Organizational Weaknesses Verifying. *Voprosy gosudarstvennogo i municipalnogo upravlenija* = Public Administration Issues. 2017; (2):83-102. Available at: <https://vgmu.hse.ru/2017--2/206993080.html> (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)
7. Kosygina K.E. Topical Issues of Development of Socially Oriented Non-Profit Organizations. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2018; (3):107-121. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.3.95.7>
8. Kaiumova L.K. Social Capital of Non-Profit Organizations as an Indicator of the Civil Society State in Russia. *Izvestija vysshih uchebnyh zavedenij. Povolzhskij region*.

Obshchestvennye nauki = University Proceedings. Volga Region. Social Sciences. 2015; (1):192-202. Available at: https://izvuz_on.pnzgu.ru/on19115 (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

9. Pedrini M., Bramanti V., Ferri L., Minciullo M. The Role of Social Capital in the Start-Up of Non-Profit Organisations: The Case of Fondazione Welfare Ambrosiano. *International Society for Third-Sector Research and the Johns Hopkins University*. 2016; 27:1195-1217. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1007/s11266-015-9614-y>

10. Schneider J.A. Organizational Social Capital and Nonprofits. *Nonprofit and Voluntary Sector Quarterly*. 2009; 38(4):643-662. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1177/0899764009333956>

11. Rosenkranz J. The Role of a Nonprofit Organization's Narratives in Fostering Social Capital: A Case-Study of HeSeta. University of Helsinki, Faculty of Social Sciences. Master's thesis. 2019. Available at: <https://helda.helsinki.fi/handle/10138/302854> (accessed 30.05.2021). (In Eng.)

12. Mourão P., Pereira T., Moreira M. The Importance of New Forms of Capital in Non-profit Organizations: A Case Study of the Fafe Delegation of the Portuguese Red Cross. *International Journal of Social Economics*. 2017; 44(7):846-868. (In Eng.) doi: <https://doi.org/10.1108/IJSE-09-2015-0240>

13. Urban O.A., Demchuk N.V. Expert Assessment of Agglomerative Communications in the Solution for Modernization Problems in Southern Kuzbass Monotowns. *Vestnik Kemerovskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Politicheskie, sociologicheskie i jekonomichekie nauki* = Bulletin of Kemerovo State University. Series: Political, Sociological and Economic Sciences. 2018; (1):51-57. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21603/2500-3372-2018-1-51-57>

14. Artamonova A.S. The Functioning of Socially Oriented Non-Profit Organizations in Russian Regions. *Problemy razvitiya territorii* = Problems of Territory's Development. 2018; (5):55-67. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.15838/ptd.2018.5.97.4>

15. Nemgirova S.N. Efficiency of Activities of Socially Oriented Non-Profit Organizations at the Meso-Level (Based on the Results of a Sociological Study). *Vestnik Instituta kompleksnyh issledovanij aridnyh territorij* = Bulletin of the Institute for Integrated Research of Arid Areas. 2019; (2):27-33. (In Russ.) doi: <https://doi.org/10.24411/2071-7830-2019-10047>

16. Radaev V.V. Sociology of Consumption: Basic Approaches. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2005; (1):5-18. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2005-1/radaev_socneed.pdf (accessed 30.05.2021). (In Russ.)

17. Skalaban I.A. Social, Public and Civil Participation: the Problem of Conceptual Understanding and Misunderstanding. *Vestnik Tomskogo gosudarstvennogo universiteta. Serija: Filosofija. Sociologija. Politologija* = Tomsk State University Journal of Philosophy, Sociology and Political Science. 2011; (1):130-139. Available at: http://journals.tsu.ru/philosophy/&journal_page=archive&id=518&article_id=25309 (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

18. Kurbatova M.V., Levin S.N. Deformalization of Rules in Contemporary Russian Economy (Within Authority – Business Interaction). *Terra Economicus*. 2010; 8(1):27-50. Available at: https://te.sfedu.ru/evjur/data/2010/journal8_1_1.pdf (accessed 30.05.2021). (In Russ., abstract in Eng.)

19. Kurbatova M.V., Levin S.N., Aparina N.F. Interrelation of Authorities and Business on the Municipal Level: Practices in Kemerovskaya Oblast. *Jekonomicheskaja sociologija : jelektron. Zhurn* = Journal of Economic Sociology. 2005; 6(2):50-68. Available at: https://ecsoc.hse.ru/data/2011/12/08/1208204930/ecsoc_t6_n2.pdf (accessed 20.05.2021). (In Russ.)

20. Urban O.A. Formation of an Effective Owner in the Basic Industries of Kuzbass. *Sociologicheskie issledovanija* = Sociological Studies. 2010; (8):26-35. Available at: https://www.isras.ru/files/File/Socis/2010-8/Urban_04.pdf (accessed 30.05.2021). (In Russ.)

21. Korneeva I.E., Oyner O.K. Market Orientation in Russian Non-Profit Organizations: Impact on the Performance. *Vestnik SPbGU. Menedzhment* = Vestnik of Saint Petersburg University. Management. 2018; 17(4):437-464. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.21638/11701/spbu08.2018.401>

22. Rodionova O.V., Sigalov K.E. Problems of Efficiency of Modern Social State: Global and Russian Trends. *Gumanitarnye nauki. Vestnik Finansovogo universiteta* = Humanities and Social Sciences. Bulletin of the Financial University. 2018; 8(6):43-48. (In Russ., abstract in Eng.) doi: <https://doi.org/10.26794/2226-7867-2018-8-6-43-48>

Submitted 02.07.2021; approved after reviewing 27.08.2021; accepted for publication 13.09.2021.

About the authors:

Olga A. Urban, Professor, Department of Economics and Management of the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University (23 Tsiolkovsky St., Novokuznetsk 654041, Russian Federation), Doc. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0001-7654-7705>, urban-o@yandex.ru

Natalia V. Demchuk, Associate Professor, Department of Economics and Management of the Kuzbass Humanitarian and Pedagogical Institute of the Kemerovo State University (23 Tsiolkovsky St., Novokuznetsk 654041, Russian Federation), Cand. Sci. (Sociology), ORCID: <https://orcid.org/0000-0003-2381-8844>, pyzas@mail.ru

Contribution of the authors:

O. A. Urban – research problem statement; drafting of the article; academic advising; the research concept development; drawing conclusions.

N. V. Demchuk – research problem statement; the research concept development; drawing conclusions.

The authors have read and approved the final version of the manuscript